

УДК 82.0(091)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО
ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В XIX в.**

Н.Г. Комар

Аннотация

Статья посвящена проблемам сравнительного изучения древнерусской литературы в Казанском университете в XIX в. В данном исследовании анализируются работы казанских ученых, позволяющие определить их вклад в изучение древнерусской литературы.

Ключевые слова: сравнительное литературоведение, Казанский университет, древнерусская литература.

Сравнительно-исторический метод в литературоведении сформировался во второй половине XIX в., когда перед исследователями появились новые задачи, включающие необходимость сравнения различных литератур и усвоения истории их взаимодействия. При изучении древнерусской литературы он также сыграл существенную роль. Так, практически все работы казанских ученых второй половины XIX в. – диссертации, статьи, доклады по древнерусской словесности – предполагают сравнительный аспект. Это, в частности, отмечалось в работах Л.Я. Вороновой [1], Н.И. Недашковской [2], Н.Г. Комар [3] и др., однако специального исследования, посвященного данной проблеме, не было. Предметом нашего изучения стали главным образом труды М.П. и Н.М. Петровских, П.В. Владимирова, П.П. Мандалева, С.П. и Д.П. Шестаковых, а также архивные материалы.

Сравнительное изучение древнерусской словесности в Казани берет свое начало с деятельности В.И. Григоровича, выдающегося слависта, внесшего огромный вклад в развитие славяноведения в России. В дальнейшем изучение славянских литератур продолжил ученик Григоровича – М.П. Петровский, который, как и его учитель, издавал и редактировал памятники славянской письменности. Например, в 1861 г. он опубликовал такие памятники, как «Из старинного лечебника», «Из духовных стихотворений», «Старинный трактат о физиономике» и др. Все его труды, вернее большинство из них, написаны в основном о славянах, но в них значительное место отведено русской литературе. Например, в статье под названием «Поучение, приписываемое Иллариону, митрополиту Киевскому», опубликованной в «Ученых записках Казанского университета» в 1865 г. и предваряющей публикацию памятника, поднимается вопрос о подложности древнерусских произведений, ранее разрабатывавшийся В.М. Сухомлиновым («О псевдонимах в древней русской словесности» (1855)),

однако последний не затрагивал творчества Иллариона. При рассмотрении текста Петровский сравнивает русские памятники со славянскими, особое внимание при этом обращая на перевод слов и нередко сопоставляя его с разными славянскими языками. В ходе работы Петровский приходит к следующему выводу: «даже если это поучение списано, оно не обошлось без его (Иллариона. – *Н.К.*) личного участия» [4, с. 56]. Аналогичные вопросы он без труда разрешает и в статьях, посвященных славянским памятникам. Так, в статье «Абагар (первый печатный памятник новоболгарской литературы)» (1869) идет сопоставление как на лингвистическом (представлен текстологический анализ произведения), так и на содержательном уровне (что позволило отнести публикуемый памятник к болгарской, а не к сербо-хорватской литературе, как было принято считать до этого).

Поскольку почти все казанские филологи, как правило, свою деятельность начинали с переводов (в учебной программе были предусмотрены сочинения на латинском и греческом языках, которые студенты регулярно писали в течение года [5]), постепенно становятся преобладающими исследования, связанные с переводческой деятельностью и переводной литературой. До наших дней дошли переводные труды Г.Н. Городчанинова, В.И. Григоровича, М.П. и Н.М. Петровских, С.П. и П.Д. Шестаковых и др.

Изучение переводной литературы шло в двух основных направлениях: первое связано с историей перевода памятника, второе затрагивает проблему функционирования произведения в определенной среде. Однако чаще всего исследователи старались совместить два этих аспекта. Примером может служить и магистерская диссертация П.В. Владимирова «Великое Зерцало» (1885). Обосновывая в начале своей работы обращение к переводной литературе и полемицируя с мнением ученых, в частности с А.Н. Пыпиным, считавшим, что переводы на Руси зависели от случайностей, Владимиров утверждал: «Нельзя согласиться со взглядом на случайное <...> происхождение переводов, а тем более на случайное их распространение, потому что в том и в другом явлении отражаются вкусы времени и вкусы той среды, в которой появляются и распространяются переводные произведения» [6, с. 1]. Поэтому его интересовали вопросы, связанные с историей переводов, местом и временем их распространения.

Подчеркивая значение переводной литературы для изучения древнерусской словесности, Владимиров выделял «Великое Зерцало», которое занимало особое место в древней отечественной словесности, о чем свидетельствует его историческое происхождение и распространение. Анализируя памятник в контексте чешской и южнорусской литературы XVII – XVIII вв., он также сравнивает его с европейской литературой и отмечает близость к античной. Произведения такого характера берут свое начало, по мнению автора, от так называемых энциклопедий XII – XIII вв. (латинских сборников). Он исследует и другие латинские памятники литературы со схожим содержанием, структурой и направленностью и отмечает главные расхождения между латинскими и русскими памятниками, одно из которых, в частности, заключается в отсутствии повествований, связанных с индугенцией, в русском переводе, что объясняется отсутствием этой реалии в жизни русских людей.

Отношение «Великого Зеркала» к древнерусской литературе, народной словесности и переводной литературе XVII – XVIII вв. Владимиров рассматривает в третьей главе диссертации. Он пишет: «Общность многих источников (древнехристианских вообще и византийских в частности), общность направления (аскетического, поучительного и легендарного) так сблизили «Великое Зерцало» с древнерусской литературой, что самый сборник утратил характер переводного <...> и повести его наравне с проложными стали входить в такие уважаемые древнерусские сборники, как синодики, лицевые сборники, а через них в устную народную словесность» [6, с. 67]. Владимиров прежде всего останавливался на повестях «Великого Зеркала», соответствующих древнерусским повестям по общности источников, и на их отношении к подобным повестям в патериках, минеях и прологах.

Сопоставляя повести «Великого Зеркала» с древнерусской литературой по содержанию, Владимиров отмечает, что они соответствуют древнерусским житиям и чудесам, например севернорусским рассказам о благочестии императоров и князей, почтении их к монастырям, о создании церквей и т. д., которые передаются в Киево-Печерском патерике. Близкое сходство здесь объясняется «общностью прототипов и в житиях, и в чудесах <...>, общими условиями воззрений и соответствием монашеского быта» [6, с. 76]. Различия относятся к культурным, конфессиональным особенностям (католической и православной) и к особенностям народного быта на Западе и в Древней Руси.

Разбирая влияние «Великого Зеркала» на русскую литературу и народную словесность, Владимиров подробнее всего останавливается на синодиках (помянниках), без которых не обходился ни один христианин на Руси. Говоря о традициях христианства в Древней Руси, ученый утверждает, что «поминанье является главным средством освобождения от будущих мук» [6, с. 77], поэтому исполнение его возлагается на детей, а те христиане, у которых не было детей, поминали себя заживо за упокой. Однако, на наш взгляд, это не совсем правильное понимание смысла поминовения. Ошибочно придавать ему первостепенное значение, так как по православным канонам главным средством достижения Царствия Небесного является жизнь по заповедям Божиим и покаяние. Но нельзя отрицать и того, что оно действительно является неотъемлемой частью жизни христианина.

Ошибка автора состоит и в нивелировании таких понятий, как мытарства и чистилище: «Мытарства, по древнерусским представлениям, развившимся на почве византийских преданий, представляют соответствия с католическими представлениями о чистилище, в котором, как и в мытарствах, для различных грешников назначаются различные мучения и определенные места» [6, с. 96]. С таким взглядом невозможно согласиться, так как учение о чистилище является одним из существенных отличий римско-католической церкви от греко-православной, что повлекло неправильные выводы о влиянии «Великого зеркала» на синодики. Этим и объясняется то, что ученый не рассматривает отношение «Великого Зеркала» к так называемым лицевым сборникам, которые связаны большей частью с синодиками и включают в себе легенды с миниатюрами на тему о загробных видениях и адских мучениях, а только указывает на них.

Здесь, на наш взгляд, можно говорить только о параллелях, сходстве, источником которых является само христианство.

Далее Владимиров отмечает воздействие «Великого Зеркала» на народную словесность: духовные стихи, легенды и сказки. В пример он приводит духовный стих о грешной матери, начинающийся указанием на «Великое зеркало» как на источник. Он также упоминает несколько легенд и сказок, написанных под влиянием «Великого Зеркала» (например, «Смерть праведного и грешного», «О райской птичке»), что говорит об отношении здесь народной поэзии к книжным источникам.

Все это позволило Владимирову определить место «Великого зеркала» в ряду русских переводных произведений. «В разных исследованиях и курсах русской словесности встречаются относительно этого вопроса неточности и ошибки», – замечает ученый [6, с. 104]. Он спорит с А.Н. Пыпиным, который в «Очерке литературной истории» относит «Великое зеркало» к кругу западных «зерцал», и с И.Я. Порфирьевым, считавшим «Великое зеркало» в «Истории русской словесности» подобным «Римским Деяниям» [6, с. 104].

В целом в диссертации дан хороший анализ как самого памятника, так и всех его редакций, прослежена история возникновения и распространения «Великого зеркала» на Руси, выявлено отношение памятника к древнерусской литературе и фольклору и т. д., а также отмечена значимость исследования переводной литературы для изучения древнерусской словесности.

Еще одно важное направление, разрабатываемое в трудах казанских исследователей, – сравнение древнерусских памятников с византийской и западноевропейскими литературами. Такое сравнение имеет место даже в небольших работах. К примеру, в статье П.П. Миндалёва «Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос» (1913) древний памятник сравнивается не только с апокрифами и русским былинным эпосом, но и с житием Дионисия Ареопита и западным эпосом (немецким, польским и т. д.).

Та же проблема поднимается и в диссертации Миндалева «Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники» [7]. Четвертая глава, название которой – «Памятники, связанные с Молением Даниила Заточника» – говорит само за себя, делится на несколько параграфов. В первом ученый делает общий обзор произведений, связанных с «Молением», а в каждом следующем параграфе устанавливает связь между «Молением» и другим источником. В параграфе «Пчела и её отношение к Молению Даниила Заточника», исследуя взаимоотношение памятников, Миндалёв попутно решает вопрос и о времени появления «Пчелы» на Руси, считая, что это XII в.

При подготовке магистерской диссертации Миндалёв неоднократно выезжал в Москву, Санкт-Петербург и другие города России, диссертация явилась итогом кропотливого труда казанского учёного, поэтому мы не можем согласиться с Л. Ильинским, упрекавшим казанского исследователя в отсутствии своей концепции и новизны, а также в поспешности и непродуманности работы [8, с. 358]. Новизна заключается в том, что до Миндалёва взаимоотношение «Моления» с другими памятниками специально не рассматривалось, а только попутно разными учеными высказывались отдельные суждения по этому поводу. Казанский исследователь проанализировал «Моление» в контексте других

произведений, как древнерусских, так и переводных, что дало возможность сделать вывод о большем влиянии на памятник со стороны древнерусской литературы и фольклора, нежели переводной литературы. До сих пор на Миндалёва ссылаются при изучении этого памятника [9].

Интересны, на наш взгляд, подходы к изучению древнерусской литературы специалистов в области классической литературы – С.П. и Д.П. Шестаковых, постепенно перешедших от исследования античной литературы к византийской (а это гораздо ближе к древнерусской словесности). Кроме того, С.П. Шестаков настаивал на включении в программу классического отделения преподавания русского языка и литературы. Отечественная древняя литература изучалась Шестаковыми не только для сопоставления древнегреческих памятников с древнерусскими, но и для восстановления и исправления несохранившихся греческих первоисточников.

Обратимся сначала к трудам С.П. Шестакова. Первоначально доклад о Домострое он прочитал на заседании «Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете», затем, в 1901 г., этот доклад был опубликован в «Византийском Временнике». Для него было важно найти общее в двух типах «Домостроя» (византийском и русском) и объяснить различия между ними [10].

Подробнее всего Шестаков рассматривает «Стратигик» Кекавмена. Этот древнегреческий памятник он сравнивает с «Домостроем» Сильвестра. Учёный анализирует произведения не только на тематическом и структурном уровнях, но и на лингвистическом: он отмечает особенности стиля, делает этимологические наблюдения и т. д. Памятники исследуются в контексте своей эпохи: так, появление глав, в которых порицается колдовство, вера в сны и т. д., объясняется тем, что в это время в Византии были популярны сонники, талисманы и пр. Так же объясняется различное отношение на Руси и Византии к врачам и лекарскому делу.

В выводах Шестаков утверждает, что о влиянии Кекавмена на русский «Домострой» не может быть и речи, и предполагает существование в византийской письменности литературного жанра, основные элементы которого можно проследить до третьего века до Р.Х. Общее между памятниками объясняется принятием одной конфессии Византией и Русью (несмотря на временное расстояние), под влиянием которой преобразовалась общественная этика, в результате чего новые культурные условия этого жанра явились в изменённом виде, осложнились рядом новых мотивов. А различия в отдельных темах зависят от особенностей национальных и культурных условий быта. Определить же первооснову русского «Домостроя» в характерных чертах этого литературного типа Шестаков считает невозможным, однако предполагает зависимость русского прото-«Домостроя» от византийского образца, скорее всего через посредничество южнославянской литературы.

Во второй работе С.П. Шестакова «О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления её греческого текста» рассматривается «Хроника Иоанна Малалы», которой посвящено несколько статей: критическая заметка «Иоанн ритор церковной истории Евагрия», небольшая статья «Прибавление к статье “О значении славянского перевода Малалы”».

В них Шестаков проявляет глубокие познания в области древнерусской литературы, подчёркивает её значение по отношению к изучению греческого текста. Он пытается восстановить текст хроники по переводу, что ранее уже предпринималось учеными, но только для предисловия и некоторых извлечений из славянских рукописей. Шестаков сравнивает все греческие переводы со славянскими, рассматривает все пропуски и сокращения. В результате он пришёл к следующим выводам: а) славянский текст соединяет в себе взаимные дополнения нескольких текстов греческих редакций; б) перевод даёт возможность исправить некоторые неправильные чтения греческих текстов; в) перевод содержит более или менее значительные дополнения к греческим редакциям (предисловие, цитаты из Тимофея) [11, с. 47]. В дальнейшем эти наблюдения помогли Шестакову определить автора других византийских фрагментов, связанных с хроникой Иоанна Малалы, издатели которых не сумели этого сделать.

В таком же аспекте древнерусскую литературу изучал и Д.П. Шестаков. Среди его работ есть множество рецензий на труды по древней отечественной словесности. Например, в рецензии на книгу священника Н.Н. Соболева «Загробный мир по древнерусским представлениям» исследователь критикует автора за множество неточностей по причине использования в книге только русских источников.

В статье под названием «Заметки о греческих текстах житий и Макарьевских Минеях-Четиях», изданной в Троице-Сергиевой Лавре в 1914 г., Шестаков показывает первостепенное значение Макарьевских Миней для установления греческого текста. Он пишет: «В последнем издании жития святого Аверкия Иерапольского, во Фригии чудотворца, русский перевод жития в Великих Минеях-Четиях митрополита Макария получает значение равносильное с древнегреческими рукописями источника для установления греческого текста жития» [12, с. 3]. Начальная греческая редакция, с которой исполнен русский перевод в Минеях, восстанавливается новым изданием на основе трех греческих рукописей, проанализированных Шестаковым. Ученый считает, что именно они позволили Ф.И. Успенскому объяснить особенности изображения святого Димитрия Солунского, найденного в 1907 г. среди других мозаик в древней церкви великомученика Димитрия в Солуни. Ранее было непонятно, почему на этой фреске около святого изображаются две маленькие женские фигурки, и только в Макарьевских Минеях-Четиях сохранилось описание чуда о двух девицах, спасенных им из плена.

В завершение Шестаков подчеркивал важность изучения Миней и намечал перспективы анализа: 1) на основе рукописного предания; 2) при сопоставлении с греческой агиографией и святоотеческими источниками, которые исправляются и дополняются русскими Минеями; 3) в сопоставлении со старыми латинскими переводами, иногда подобно славянским переводам сохраняющими древнейшие редакции, и 4) «в родной славянской обстановке», то есть параллельно с Супрасльской Минеей и с позднейшими русскими Минеями святителя Димитрия Ростовского. Но лучше всего, по мнению автора, интегрировать все эти аспекты. Статья Шестакова заканчивается таким призывом: «И кому же ближе надлежало бы заняться такой сравнительно-агиографической работой,

сулящей серьезные открытия греческой и славянской агиографии <...>, как не представителям русской богословской и филологической науки?» [12, с. 15].

Таким образом, принципы сравнительного литературоведения в Казанском университете использовались для изучения древнерусской литературы в ее отношении к славянским, византийской и западноевропейским литературам. При этом основным критерием при изучении славянских литератур было христианство (внимание исследователей сосредоточилось как на внешних, так и на внутренних, самобытных свойствах), а при сравнении древнерусской словесности с византийской и западноевропейскими литературами доминировал историзм, хотя внутренний аспект присутствовал и в работах этого направления.

Summary

N.G. Komar. Some Aspects of Comparative Study of Old Russian Literature at Kazan University in 19th Century.

The article is devoted to the problems of comparative study of Old Russian literature at Kazan University in 19th century. In the course of research, proceedings of Kazan scientists were analyzed, allowing us to define their contribution to study of Old Russian literature.

Key words: comparative study of literature, Kazan University, Old Russian literature.

Литература

1. *Воронова Л.Я.* Немецкие источники в трудах Л.З. Колмачевского и А.С. Архангельского // Грани сотрудничества. К 10-летию Соглашения о сотрудничестве между Казанским и Гиссенским университетами: Сб. науч. ст. и обзорн. материалов. – 1999. – С. 146–155.
2. *Макарова Н.И. (Недашкова Н.И.)* Проблема методологического синтеза в славяноведении: наследие В.И. Григоровича // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. науч. ст. и сообщ.– Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – С. 243–249.
3. *Комар Н.Г.* Сравнительный аспект исследования славянских литератур в трудах В.И. Григоровича // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (29 нояб. – 1 дек. 2005 г.). – Казань: РИЦ «Школа», 2005. – С.133–135.
4. *Петровский М.П.* Поучение, приписываемое Иларииону, митрополиту Киевскому. Материалы для истории славяно-русской письменности XI-го века // Учен. зап. Казан. имп. ун-та. – 1865. – Т. I. – С. 47–84.
5. Национальный Архив Республики Татарстан. Ф. 977. – Оп. «Ист.-фил. фак.» – Д. 30, 184, 557.
6. *Владимиров П.В.* Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1883. – 79 с.
7. *Владимиров П.В.* Великое зеркало (из истории русской переводной литературы XVII века.). – М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1884. – 106 с.
8. *Миндалёв П.П.* Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Опыт историко-литературного исследования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1914. – 346 с.
9. *Ильинский Л. П.* Миндалев Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники // Журн. Министерства Народного Просвещения. – 1916. – № 2. – С. 332–359.

10. Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – перв. пол. XVI в.). Вып. I. – М., 1987. – 495 с.
11. *Шестаков С.П.* Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра. – СПб., 1901. – 549 с.
12. *Шестаков С.П.* О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления её греческого текста. – СПб., 1894. – 48 с.
13. *Шестаков Д.П.* Заметки о греческих текстах житий и Макарьевских Минеях-Четиях. – Сергиев Посад, 1914. – 16 с.

Поступила в редакцию
10.07.08

Комар Наталья Геннадьевна – старший лаборант кафедры русской литературы Казанского государственного университета.
E-mail: *Bellenkaja@yandex.ru*